

КРАТКИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В ПИСКАРЁВСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія; Соціальні комунікації. Випуск 27.

УДК 821.161.1-09

Шманько А. Короткі активні дієприкметники у Пискарьовському літописці: структура та функції; 13 стор.; кількість бібліографічних джерел – 15; мова російська.

Анотація. Розглядаючи структуру та функції коротких форм активних дієприкметників у називному відмінку чоловічого роду, А. Шманько доходить висновку про руйнацію у староруській пам'ятці XVI ст. церковнослов'янської книжної традиції, викликану формуванням нової граматичної категорії – дієприслівників.

Ключові слова: коротка форма активних дієприкметників, апозитивні дієприкметники, староруська мова, церковнослов'янська мова, книжна норма, дієприслівник.

Известно, что причастие является одним из наиболее дискуссионных лексико-грамматических классов слов. Заслуживает внимания короткое, но ёмкое определение своеобразия причастий, данное В.И. Далем, автором знаменитого словаря: «Часть речи, причастная к глаголу, в образе прилагательного» [2, с. 459]. Соотношение причастия с глаголом и с прилагательным предопределило то, что до сих пор нет однозначного решения вопроса о месте причастия среди частей речи. Причастие признают самостоятельной частью речи (М. Ломоносов) [10], «гибридной» между глаголом и прилагательным (А. Пешковский), считают отглагольным прилагательным (А. Буслаев [1], Л. Булаховский) и, наконец, неспрягаемой глагольной формой (А. Гвоздев, И. Милославский и др.). Таким образом, по своим морфологическим и функциональным признакам причастие как часть речи весьма интересно для изучения, особенно в историческом аспекте.

Материалом нашего исследования является одна из известнейших поздних летописей – Пискарьовский летописец первой трети XVII в., который был найден и опубликован в части за 1533-1615 гг. О. А. Яковлевой [15, с. 7-144]. Названный по имени владельца рукописи Д. В. Пискарева, книготорговца и библиофила, жившего в Москве во второй половине XIX в., этот летописец представляет собой очень интересный и ценный памятник, содержащий сведения от древнейших времен до 1615 года. По мнению О. Яковлевой, рукопись, в которой находится Пискарьовский летописец, написана между 1621 и 1625 гг. [15, с. 8, 9, 12]. Текст летописца не был опубликован с древнейших времен до 1533 г., так как из-за больших пропусков «он требует детального рассмотрения и изучения» [15, с. 12]. Пискарьовский летописец известен в одном списке, представляющем собой рукопись, написанную скорописью нескольких почерков первой половины XVII в. М. Тихомиров, посвятивший Пискарьовскому летописцу специальное исследование, показал, что текст написан разными людьми и в разное время, а отдельные его разделы взяты из различных источников. Исследователь предположил, что составитель Пискарьовского летописца был, возможно, московским печатником, проживавшим в 1612–1615 годах в Нижнем Новгороде [13, с. 112-118]. Пискарьовский летописец – произведение компилятивное, причем

ранние фрагменты довольно сильно отличаются в языковом плане от поздних фрагментов текста. Тем не менее, исследование показывает, что и здесь языковые изменения носят во многом постепенный, преемственный характер.

Известно, что при обращении к древним литературным памятникам необходимо учитывать языковую ситуацию определённой эпохи. Для литературного языка Московского государства, с одной стороны, характерно продолжение книжно-письменных традиций Киевской Руси, а с другой – изменение этих традиций под влиянием структурных изменений, нарастающих в русском разговорном языке. Анализируя памятники XVI-XVII вв., необходимо учитывать также архаизацию книжно-письменных традиций в период так называемого «второго южнославянского влияния» [8, с. 104] и связанную с этим процессом цветистую, пышную, насыщенную метафорами риторическую манеру выражения, получившую название «плетение словес» [8, с. 120]. В памятниках XVI – XVII вв. своеобразно переплетается старое и новое, на что следует обращать внимание при систематизации языковых явлений.

В настоящей статье предпринята попытка определить, в какой степени книжная, церковнославянская, норма употребления причастий сохраняется в Пискарьовском летописце. Система причастий, зафиксированная в языке ранних древнерусских памятников, квалифицируется как книжная, большей частью заимствованная из старославянского языка. Эту систему историки языка обычно рассматривают как исходное состояние для истории причастий в русском литературном языке. По мнению Б.А. Успенского, именно в формах причастий противопоставление книжного и не книжного языка проявляется особенно отчетливо. Поэтому «употребление причастий становится одним из самых ярких признаков книжности» [14, с. 212].

Синтаксические функции причастий тесно связаны с формой причастий: местоименные формы чаще выступали в роли определений, указывающих на динамический признак предмета. Именные формы действительных причастий как определения использовались редко. Их обычная функция – функция второстепенного сказуемого. Именно в этой функции именные формы действительных причастий настоящего и прошедшего времени

утрачивали адъективный характер и примыкали к глаголу-сказуемому, теряя структурную связь с подлежащим. Разрыв связи с подлежащим приводит к утрате форм словоизменения, т.е. остается только бывшая форма имен. падежа (далее – ИП) ед. числа (*неся, видя, слыша, услышавъ, будучи, играючи* и т.д.), на базе которой формируется категории деепричастия. Все вышесказанное предопределяет актуальность представленного в данной статье исследования, которое составляет часть нашей диссертации, посвященной особенностям предикативной структуры текста старорусских летописей конца XVI – начала XVII вв. Объектом исследования в этой статье являются именные (краткие) действительные

причастия настоящего и прошедшего времени, функционирующие в сфере предикации. Мы рассматриваем только формы мужского рода, так как формы среднего и женского родов в анализируемом тексте представлены немногочисленными случаями употребления (нами зафиксировано 34 примера женского рода и всего один – среднего).

В таблице 1 отражены статистические данные (количество словоформ и их процентное соотношение), полученные при исследовании форм кратких причастий в Пискаревском летописце. Учитывая суффиксы и окончания в ИП ед. и мн. числа анализируемых причастий, мы разделили их также на согласованные и несогласованные.

Таблица 1. Структурные особенности именных действительных причастий

Окончания	Суффиксы	Согласованные		Несогласованные		Всего:	
		ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	в оконч.	в суф.
∅	-а	377/91%	–	–	36/9%	413	950
	-в	503/94%	–	–	34/6%	537	
∅	∅ (от гл. <i>идти</i>)	121/92%	–	–	11/8%	132	179
	∅	44/94%	–	–	3/6%	47	
-е	-ущ/-ащ-	–	255/84%	49/16%	–	304	657
	-ш/-вш-	–	317/90%	36/10%	–	353	
-и	-ущ/-ащ-	–	–	28/44%	35/56%	63	163
	-уч/-ач-	–	–	12/31%	27/69%	39	
	-ш/-вш-	–	–	25/41%	36/59%	61	
-а	-ущ/-ащ-	–	–	6/60%	13/40%	19	62
	-ш/-вш-	–	–	11/26%	32/74%	43	
Всего (по числам):		1045/65%	572/35%	167/42%	227/58%	2011	2011
Всего соглас./несоглас.:		1617 / 80%		394 / 20%			

1.1.1. Как показывает материал таблицы 1, в Пискаревском летописце именные формы действительных причастий зафиксированы с 4-мя окончаниями – нулевым (∅), -е, -и, -а, при этом причастиям с суффиксом -а (-А) нулевое окончание было присуще в исходных системах и древнерусского, и старославянского языков. Отсутствие окончания как раз и указывало на грамматическое значение ИП ед. числа муж. рода. Характерно, что уже в XV – XVII веках в формирующейся системе неизменяемых причастий (деепричастий) суффикс -а выступает «как значительно более активный». Впоследствии он становится абсолютно господствующим в системе русского литературного языка» [6, с. 340]. У форм на -в- в исходных системах указанных языков было окончание -ъ, которое утратилось в период падения редуцированных (XII-XIII вв.), в результате чего между формами настоящего и прошедшего времени установился параллелизм в плане отсутствия окончания [3, с. 70]. Причастия с суффиксами -а и -в мы относим к согласованным, если они сочетаются с формами ед. числа подлежащих и / или сказуемых. В тексте Пискаревского летописца такие причастия преобладают, составляя 93 % (880 из 950 зафиксированных примеров). Ср.: (*Отрок* ед.ч.)... *И изыде* (ед. ч.) *из града с уздою и рыскаше* (ед. ч.) *сквозь печенежи, глаголя* (ед.ч.): «*Не видел ли коня никто же?*» [43-44]*; *И изгна господь бог Адама* (ед. ч.) *из рая. И седи* (ед. ч.) *прямо раю, плачеся* (ед. ч.), *делая* (ед. ч.) *землю* [49]; *И*

седи (ед. ч.) *Олег* (ед. ч.), *князя* (ед. ч.) *в Киеве...* [35]; *Владимир* (ед. ч.) *же философа, дары мнози вдав* (ед. ч.), *отпусти* (ед. ч.) *его с великою честию* [53]; (*Владимир* ед. ч.)... *Того же лета и вятицы победив* (ед. ч.), *вложи* (ед. ч.) *на них дань от плуга...* [47]; *Сия слышав* (ед. ч.) *патриарх* (ед. ч.), *повеле зъвати* (ед.ч.) *клирос...* [53]. В данных примерах анализируемые нами причастия сочетаются с формами ед. числа подлежащих и сказуемых. В группе следующих примеров причастия мы квалифицируем как несогласованные: *Се же реша* (мн. ч.) *грецы* (мн. ч.), *льстяше* (ед. ч.) *под русью, глаголя* (ед. ч.): «*Повеждь нам колико вас*» [44]; *И послы* (мн. ч.), *увидя* (ед. ч.) *то, удивилися* (мн. ч.) *такому великому войску...* [201]; *И оне* (мн. ч.), *ни мало не помедлив* (ед. ч.), *сотвориша* (мн. ч.) *повеление его, записи написали* (мн. ч.)... [201]; *И тако начаша татаре на конех скакати на мост, а гражане* (мн. ч.) *учиниша* (мн. ч.) *мост на ужищах, а под ним колие изострив* (ед. ч.) *побиша* (мн.ч.) [164]; (*Новгородцы* мн. ч.)... *И стояв* (ед. ч.) *на Городище поехаша* (мн. ч.) *на Москву, и приидоша* (мн. ч.) *на Москву с нею месяца декабря в 1 день* [142]. В этих примерах причастия в форме ед. числа сочетаются с формами мн. числа подлежащих и сказуемых.

1.1.2. К причастиям с нулевым окончанием мы отнесли формы, которые равны чистой основе, типа *шедъ, вземъ, приимъ, снемъ* и др. В тексте Пискаревского летописца нами зафиксированы 179 таких примеров, причём 132 из них – это причастия,

образованные от основы *шьд-* (*шед-*) глагола *ити* (*идти*): *Проньский князь* (ед. ч.) *Иван Володимирович пришед* (ед. ч.) *с татары согна* (ед. ч.) князя Федора Ольговича *с Рязани...* [156]; *А князь* (ед. ч.) *Иван пришед* (ед. ч.) *х Кашину помирился* (ед.ч.) *со братом своим* [157]; *И великого князя воеводы* (мн. ч.), *шед* (ед. ч.), *Литовскую землю воевали* (мн. ч.) [170]; *Едигей* (ед.ч.) *же взем* (ед. ч.) *откуп поиде* (ед. ч.) *от Москвы во Орду...* [158]; *Он* (ед.ч.) *же вскоре восстав* (ед. ч.) *и взем* (ед.ч.) *яже суть на то потребна, изыде* (ед.ч.) *ис келия ...* [160].

В группе причастий с нулевым суффиксом количество согласованных форм равно 92% (165 примеров). Несогласованные причастия составляют 8% (14 примеров).

1.2. Окончание *-е* изначально было присуще форме ИП мн. числа. В нашем тексте формы мн. ч. составляют 87% (572 примера) от общего числа причастий с флексией *-е*: *Приходиша* (мн. ч.) *немцы* (мн. ч.) *на Псковскую землю воевати* и *у Пскова много стояще* (мн. ч.) *около города* [156]; *Посад же около его сами* (мн. ч.) *пожгоша* (мн. ч.), *боящесея* (мн. ч.) *примета* [157]; *Суциши же во граде князи и бояре и вси людие* (мн. ч.) *не ведуще* (мн. ч.) *бывшаго повинушася* (мн. ч.) *дати окуп, 3000 рублей* [158]; *Сию же скорбь за много время нецци* (мн. ч.) *же от книжник провозвестиша* (мн. ч.), *глаголюще* (мн. ч.): «*Яко в преидущее лето будет скорбь людем*» [158].

Флексия *-е* зафиксирована также у 85 причастий (13%), соотносимых с ед. числом подлежащих и сказуемых: *И много поучив* (ед. ч.) *сыны своя ко всякой добродетели и веляше* (ед. ч.) *им последовати благим своим нравом, не могуще* (мн. ч.) *намнозе разлучити слез их* [106]; *Царь же Булат во ужасе зело быв* (ед. ч.), *и посылает* (ед. ч.) *вскоре на Русь по Едигея скоропосольники своя, веляще* (мн. ч.) *ему без всякого пождания поити к себе со многою скоростию...* [158]. В нашем материале есть примеры, свидетельствующие о том, что писцы далеко не всегда правильно употребляли устаревшие книжные формы. Ср.: *И в некое время царь* (ед. ч.) *поеде* (ед. ч.) *на утеху и видяше* (ед. ч.) *ерея блуд творяше* (ед. ч.) *со женою, и бияще* (мн. ч.) *его нещадно* [142]. В этом предложении есть оборот «двойной винительный» (*ерея блуд творяше*), в котором вместо причастия *творяща* употреблена форма имперфекта *творяше*. Возможно, в ряде случаев флексия *-е* употребляется по аналогии с другими глагольными формами: *веляше / не могуще, видяше / бияще*.

1.3. Окончание *-и* имеют 163 причастия настоящего и прошедшего времени с суффиксами *-ущ/-ащ-* (63 примера), *-уч/-ач-* (39 примеров) и *-ш/-вш-* (61 пример). Данные причастия соотносятся с подлежащим и сказуемым как в форме ед. числа (*Того же лета князь Швитригайло Ольгердовичь отъеха с Москвы в Литву, едучи взял град Серпухов* [159]; *Жалостно же бе видяху и достойно слез многих, яко един татарин до четыредесят христиан ведяше с нужею повязавшии, многое множество иссечено бысть...* [158]; *А дочь ее царевну*

Аксению, ругавшии, велел постричь у князя Владимира Масальского на дворе... [159]), так и множественного: *И те гнавши по нем не постигоша его, ниже обретоша его и паки возвратишася к Едигею* [157]; *Отцы и матери плакаху, зряци чад своих разбиваемых и умерщляемых, тако же и чады рыдаху разлучения от родителей своих...* [158]; *И сошлись великого князя воеводы во едино места, и воевали до Вильны... да пошли к немецкому рубежу, жгучи и воюючи, и секучи, и в плен емлючи* [168].

Как известно, окончание *-и* по своему происхождению является окончанием формы ед. числа жен. рода, однако, по мнению многих историков языка, распространение окончания *-и* вряд ли можно однозначно объяснить влиянием форм жен. рода ед. числа (*ставшии, несучи, знаючи*), для которых в памятниках древнерусской письменности по сравнению с формами муж. рода характерна значительно меньшая частотность употребления. Обращает на себя внимание тот факт, что в нашем тексте причастия с флексией *-и* чаще соотносятся со мн. числом подлежащих и сказуемых (98 примеров, или 60%), чем с единственным (65 примеров, или 40%). Это даёт некоторое основание присоединиться к гипотезе, рассматривающей окончание *-и* как результат редукции безударного [е], тем более что причастия на *-и* представлены преимущественно в памятниках, отражающих черты народно-разговорного языка, в котором в XVI – XVII вв. эта флексия употреблялась довольно широко, особенно в формах с суффиксом *-уч/-юч-* (*несучи, знаючи, играючи, живучи* и т.д.). Данные образования являются «основными в современных украинском и белорусском языках, а также в русских народных говорах» [10, с. 168]. Экспансию окончания *-и* в сферу флексии *-е* И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко объясняли прежде всего грамматической аналогией (ср. *пустыни – кони*).

1.4. В предикативной функции нами зафиксированы также 62 причастия с флексией *-а* (19 примеров с суффиксом *-ущ/-ащ-* и 43 – с суффиксами *-ш/-вш-*): *Цари земстии слышаща его, удивишася, врази же его завидеша ему...* [137]; *И Тесово (немцы) взяша и гонишася за 30 верст до Новаго города, люди секуща, а семо и до Лугу и до Сабля* [91]; *В лето 6406 идоша угри мимо Киев горою, ...и пришедша к Днепру, стаща вежами...* [36]; *...а дружиши огнем згореша, а инии в полон поведоша в работу татарскую и во страну татарскую, пленении суца быша* [131] и др. Из таблицы 1 видно, что в подгруппе причастий с флексией *-а* преобладают формы мн. числа (соответственно 45 и 17 примеров). Этот даёт основание предполагать в качестве одной из причин употребление этой флексии по аналогии с другими глагольными формами: *слышаща / удивишася, гонишася / секуща, пришедша / стаща, суца / быша* (см. выше предположение о флексии *-е*).

1.5. Характерной особенностью Пискаревского летописца является довольно частое использование в пределах одного синтаксического целого равнозначных форм причастий с разными оконча-

ниями. Ср.: *Ныне же приидоша грецы, хуляще всех закон, а свой хваляще и много сказующе от начала миру, от бытия; суть хитро сказующи и чудно слышати, другой свет поведуют быти* [53] (окончания **-е/-и** в формах мн. числа); *Царь Леон послы руския почти дары..., и пристави к ним мужи своя показати церковную красоту и полаты златые, и в них же суще богатство..., учаща я к вере своей и показавше им истинную православную веру; и тако отпусти я во свою землю с честию великою* [39] (окончания **-а/-е** в ед. числе); *Архиепископ же Симон с чином священным и вси богобоязливии людие вшедше в церковь Премудрости божия, ниц падша со многими слезами из глубины*

сердца и въздыханьми молящеся [163] (окончания **-а/-е** во мн. числе).

2.1. Для определения статуса анализируемых форм причастий несомненный интерес представляют не только окончания, но и суффиксы, которые по формальным признакам могут быть разделены на стилистически немаркированные, нейтральные (суффиксы **-а, ø, -в/-вш/-ш-**) и маркированные (суффиксы **-ущ/-ащ-** и **-уч/-ач-**), из которых первый является книжным, а второй – разговорным. В таблице 2 указано количественное соотношение причастий с немаркированными и маркированными суффиксами в Пискаревском летописце:

Таблица 2. Количественное соотношение кратких действительных причастий с немаркированными и маркированными суффиксами

Формы:	Согласованные		Всего:	Несогласованные		Всего:	Общий итог:
	ед. число	мн. число		ед. число	мн. число		
Суффиксы:	1. Причастия с немаркированными суффиксами						
-а/-я	377	–	377	–	36	36	413
ø	165	–	165	–	14	14	179
-в/-вш/-ш-	503	317	820	72	102	174	994
Всего:	1045	317	1362	72	152	224	1586/79%
	2. Причастия с маркированными суффиксами						
-ущ/-ащ-	–	255	255	83	48	131	386
-уч/-ач-	–	–	–	12	27	39	39
Всего:	–	255	255	95	75	170	425/21%

Из таблицы 2 видно, что в тексте Пискаревского летописца преобладают причастия с немаркированными суффиксами, количество которых равно 1586 (79%), что в 3,7 раза превышает количество причастий с маркированными суффиксами, составляющих 425 примеров, или 21%. В группе маркированных форм 91% занимают причастия со старославянским суффиксом **-ущ-, -ащ-** (386 примеров). Причастий с суффиксом **-уч-, -ач-**, маркированных

как разговорные, в тексте зафиксировано 39 единиц (9%). Для определения динамики изменений в подгруппах немаркированных и маркированных книжных причастий сравним количественные данные согласованных и несогласованных форм, так как несогласованные формы свидетельствуют о разрушении категории именных причастий в предикативной функции:

Таблица 3. Количество согласованных и несогласованных форм в подгруппах нейтральных и книжных причастий

Формы:	нейтральные	книжные
согласованные	1362 / 86%	255 / 66%
несогласованные	224 / 14%	131 / 34%
Всего:	1586	386

Таблица 3 наглядно показывает, что при заметном влиянии старославянской книжно-письменной традиции развитие именных форм действительных причастий шло по законам старорусского языка, т.е. активнее разрушались книжные формы, а не нейтральные, общие для старославянского и древнерусского языков. Именно на базе нейтральных форм складывалась новая грамматическая категория – деепричастие.

3.1. Известно, что характерной особенностью древнерусских действительных причастий является их более тесная, чем в современном русском языке, связь со сферой предикации. Для именных форм обычной была функция второстепенного сказуемого, т.е. «обозначения дополнительного второстепенного действия, характеризующего и дополняющего по смыслу действие, выраженное главным сказуемым предложением» [7, с. 108]. А.А. Потемня

назвал такие причастия «аппозитивными» [13, с. 185]. Сочетание глагола в личной форме с глаголом в причастной форме Б.А. Успенский квалифицирует как «грецизмы, которые были калькированы старославянским языком и стали одним из ярких признаков книжности». Ученый отмечает семантические ограничения для таких сочетаний – при глаголах речи, восприятия и состояния [14, с. 255-256].

В Пискаревском летописце анализируемым причастиям присуща полифункциональность, однако 98% (1978 из 2011) всех именных форм действительных причастий составляют формы, употребляемые в предикативной функции. Из них в роли второстепенного сказуемого зафиксировано 1881 причастие, или 92%): *И живяше Олег, мир имея ко всем странам, княжа в Киеве (жил, имел и княжил)* [39]; *Они же сядяху, гордящеся, в пере-гребех в великих сустугах (сидели и гордились)* [41];

Видевше же печенези, устремившися на нь, стреляху его, и не сотвориша ему ничто же (Видели, устремились, стреляли и не сделали) [44]; (Королевич)... *И немного побыв с великою честью и судом божшим преставися* (побыл и преставился) [203]; *А дочь его царевну, ругавши, велел постричь* у князя Владимира Масальского на дворе... (ругал и велел постричь) [207];

Они же *отхожаху плачущися* (отходили и плакали) [151]; *И послаша* кияне ко Святославу, *глаголяще*... (послали и говорили) [44]; и др.

Предикативное значение аппозитивных причастий особенно заметно проступает в тех случаях, когда главное и второстепенное сказуемые соединены союзом: *А он терпя и слезы проливаше* безпрестанно божшим промыслом (терпел и проливал) [214]; *И посла искати брата своего, искавшие и не обретоша* (искали и не нашли) [45].

3.2.1. 61 причастие зафиксировано в функции связки глагольного составного сказуемого: *Затвори бо ся Блуд сий съ Ярополком, а лстя под ним и сляше ко Владимиру часто, веля ему приступати ко граду бранию, и сам мыслит убити Ярополка* [46]; *Проводиша же пречестныя икону из града Владимира в самый праздник успения ея... весь народ града того... далече шествия творяше, не могуще отлучитися* такового утешения и заступления... [146]; *И много поучив сыны своя ко всякой добродетели и веляше им последовати благим своим нравом, не могуще* намнозе *разлучити* слез их [106]; *Он же бежа в Литву к великому князю Ольгерду, и жаловася ему, и просяше у него помочи себе и оборони, и самого зваше ийти к Москве ратью и сестру свою ему научая о том глаголяти* [106] и др.

3.2.2. В нашем материале 11 причастий выступают в роле связки в именном составном сказуемом: *И паки возлазяще на град пияни суще и шатахусь, и ругающися татаром, образом безстыдным досаждающе... и хулы кидаху на ня, мняху бо только силы татарския есть* [130]; *Есть же от жития его и книги сложены имущи тетрадей со*

двадцать [148]; *Поручена же бысть ему стража морская, восприят же святое крещение и живяше посреди рода своего погана суща* [90] и др.

3.3. Нами зафиксировано 36 причастий в роли именной части составного сказуемого: *В лето 6406 идоша угри мимо Киев горою, ... и пришедши к Днепру, сташа вежами, беша бо ходяще, яко и половцы* [36]; *Владимер же слышаше речи их, бе бо сам любя жены и блужение многое, и послушаше их сладко* [48]; *Бяху сынове Ноевы изшедше из ковчега: Сим, Хам и Афет* [50]; *Зде мнех яко жилище имети, яко зде убо не суть учения апостольская, ни суть ведуще бога, но веселящеся о службе их, иже служажу мне* [55]; *А сам понудися на обеде сести с ними, уже бо бе вельми изнемогая, и повеле подержати ся* [151];

3.4. В ряде случаев именны действительные причастия формируют предикативный центр предложения самостоятельно, без глаголов: *И тако на мнозе благодаривше ея и воставше от земля, руце воздевши на высоту, вопиюще и глаголюще*: «О всесвятая владычице богородице...» [146]; *И стояще Владимир обрывает* на Дорогожици, между Дорогожем и Капичем [45-46]; *И брани между ими бывшии зле, егда одолевше грецы* [40]; *Людие же христианскии, суще[и] во граде, бегающе по улицам семо и овамо, скоро рычюще толпами, вопиюще вельми глаголюще, бьюще в перси своя...* [131].

Таким образом, анализ структуры и функций кратких действительных причастий в форме именительного падежа мужского рода в Пискаревском летописце показал разрушение церковнославянской нормы употребления указанных причастий, чему способствовало влияние живой разговорной речи, проявляющееся в нарушении согласования, в использовании причастий с суффиксом *-уч/-ач-*, а также с флексией *-и*. Развитие именных форм действительных причастий шло по законам старорусского языка, так как активнее разрушались книжные формы, а не нейтральные, на базе которых складывалась новая грамматическая категория – дееспричастие.

Примечание

* В скобках указывается страница используемого нами издания текста Пискаревского летописца.

Литература

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М., 1907. – Т. 3, 893 с.
3. Джангобекова Т. Краткие действительные причастия в «Истории о великом князе московском» А. Курбского: структура и функции // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. – Ужгород. – 2008. – Вип. 18. – С. 69-74.
4. Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма второй половины XV – первой половины XVI вв. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М.: Наука, 1987. – С. 144-176.
5. Историческая грамматика русского языка. Морфология: Глагол / Под ред. Р.И.Аванесова, В.В.Иванова. – М.: Наука, 1982. – 437 с.
6. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис: Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского. – М.: Наука, 1978. – С. 74-101, 230-295.
7. Киянова О.Н. Язык памятников позднего русского летописания. Особенности грамматической нормы. Монография. – М.: РПА МЮ РФ, 2006. – 338 с.
8. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1978. – 384 с.

9. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. – М.: Наука, 1971. – 307 с.
10. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Собрание сочинений: Труды по филологии. – М.; Л., 1952. – Т.7, с. 290-582.
11. Полное собрание русских летописей. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. – М.: Наука, 1978. – Т. 34, 304 с.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1958. – Тт. I – II, 536 с.
13. Тихомиров М.Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XV – начала XVII в. – История СССР. – 1957. – № 3. – С. 112-118.
14. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / Борис Андреевич Успенский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 559 с.
15. Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Документы по истории XV – XVII вв. – М., 1955. – Т. II, с. 7–144.

Андриана Шманько

КРАТКИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ

В ПИСКАРЁВСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Аннотация. А. Шманько рассматривает структуру и функции кратких действительных причастий в форме именительного падежа мужского рода и приходит к выводу о разрушении в старорусском манускрипте XVI в. церковнославянской книжной традиции. Это разрушение вызвано формированием новой грамматической категории – деепричастия.

Ключевые слова: краткие действительные причастия, старорусский язык, церковнославянский язык, книжная норма, деепричастие, аппозитивные причастия.

Andriana Shmanko

**VALID ACTIVE PARTICIPLES FORM IN PISCARJOVE MANUSCRIPT:
STRUCTURE AND FUNCTIONS**

Summary. A. Shmanko examines a structure and functions of valid active participles form and made conclusion about destruction Church-Slavonic book tradition in the Old-Russian manuscript of XVI c. This destruction is caused forming of new grammatical category are gerund.

Key words: valid active participles form, Old-Russian language, Church-Slavonic language, Book tradition, gerund.

Шманько Андриана – аспирант кафедры російської мови УжНУ.